

НЕМЕЦКИЙ КОДИФИЦИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Статья посвящена социолингвистическому анализу современной языковой ситуации в Германии, становлению и развитию немецкого кодифицированного литературного языка в контексте социокультурной динамики, истории развития и стабилизации литературной нормы, а также социальной характеристике носителей немецкого литературного языка.

Немецкий кодифицированный литературный язык (*deutsche kodifizierte Literatursprache*) – это язык литературы, тщательно обработанный, поддерживаемый кодификацией на определенном высоком уровне, существующий в формах письменной (научные и публицистические статьи, диссертации, указы, правовые кодексы и художественная литература...) и устной (доклады, лекции...); именно им пользуется носитель немецкого литературного языка в ситуациях официального общения. Немецкий кодифицированный литературный язык лежит в основе традиционных грамматик немецкого языка и поддерживается системой образования, деятельностью филологов, традиционно занимающихся «нормализацией» немецкого языка.

Как известно, немецкий литературный язык достаточно хорошо исследован как в отечественной, так и зарубежной лингвистике, причем это касается в основном его письменной формы. Но несмотря на множество исследований, посвященных подробному описанию немецкого литературного языка в его письменной форме (*Schriftsprache*), понятие «литературный язык» не нашло в научной литературе своего однозначного толкования. В имеющихся работах поэтому и сегодня одной из центральных остается проблема возникновения и развития немецкого литературного языка, проблема формирования и стабилизации его нормы, так как история формирования нормы немецкого литературного языка есть история развития немецкого национального языка. Для того, чтобы уточнить свои представления о нормализационных процессах и норме немецкого литературного языка, исследователи связывают ее становление с объективно складывающейся по-разному языковой ситуацией в Германии, с разными историческими этапами развития немецкой литературы, начиная с самой древней письменной традиции: деловые

канцелярии (*Kanzleisprache*), в которых создавалась городская языковая культура и первая письменная норма [1, 2, 3, 4]. Исследователи полагают, что формы литературного языка, приобретая наддиалектный характер, сохраняли способность к региональному варьированию, которое отразилось в существовании следующих форм литературного языка: *niederdeutsche Literatursprache* ‘нижненемецкий литературный язык’, *mittelhochdeutsche Literatursprache* ‘средневерхненемецкий литературный язык’, *hochdeutsche Literatursprache* ‘верхненемецкий литературный язык’, *süddeutsche Literatursprache* ‘южнонемецкий литературный язык’, *ostmitteldeutsche Literatursprache* ‘восточносредненемецкий литературный язык’ [5, 6, 7, 8].

В условиях существования разных региональных вариантов литературного языка специфика формирования немецкого литературного языка была, прежде всего, связана с выбором единого надрегионального варианта литературного языка. В связи с этим, языковедов, писателей и поэтов (XVI-XVII вв.) беспокоили две проблемы. Во-первых, это – проблема нормы, или вопрос о том, что такое надрегиональный литературный язык (*Hochdeutsch*). Во-вторых, растянувшаяся на столетия (XVII-XVIII вв.) проблема «чистоты» немецкого языка (*Reinhalt der Sprache*) [9, 10] как проблема отмежевания немецкого языка от влияния иностранных языков (преимущественно, латинского, французского и итальянского).

Объективно между формирующимся немецким литературным языком, его региональными вариантами и диалектами существовали сложные «взаимоотношения», которые воздействовали на всю историко-культурную ситуацию в Германии в целом [11]. С одной стороны, отбор языковых средств был строго регламентирован литературными жанрами, с другой стороны, печатные издания отражали осо-

бенности соответствующих региональных вариантов немецкого литературного языка и отличались пестротой норм в области грамматики и лексики, фонетики и орфографии, хотя некоторые печатные издательства начинают приближаться к высокому немецкому и избегать резких региональных особенностей, например, швабского и баварского ареалов. Как подчеркивают исследователи, «в этих условиях понимание понятия *gemeinteutsch* было обусловлено всем ходом развития немецкого литературного языка, и, прежде всего, богатством и разнообразием немецкой письменности XV в.» [3]. Однако, структура словосочетания *Gemeindeutsch* 'общий немецкий' продолжает оставаться неопределенной и малоконкретной, хотя *gemein deutsch* выступает уже как доступный, понятный и родной язык (*Muttersprache*).

Вторая половина XVII в. ознаменовалась распространением формирующегося восточносредне-немецкого варианта литературного языка на территории северной Германии, где с ростом нижне-немецких городов создались для этого благоприятные условия. В городах появилась новая форма существования немецкого языка – городской обиходно-разговорный язык, в котором смешивались языковые черты территориальных диалектов и общерегиональных обиходно-разговорных языков. С этими формами существования немецкого языка в городе конкурировал восточносредне-немецкий вариант немецкого литературного языка, который, проникнув в письменный язык и городской обиходно-разговорный язык, вытеснил нижне-немецкий вариант литературного языка, и развитие письменности на нем закончилось [7, 8]. В целом, образованная часть горожан составляла ту прослойку населения, которая владела всей совокупностью форм существования немецкого языка и оказывала сильное влияние на языковые процессы в письменной и устной коммуникации («хотя данных о взаимодействии с устными надрегиональными формами немецкого языка еще нет») [2].

Рост влияния восточносредне-немецкого варианта литературного языка связан, прежде всего, с деятельностью создававшихся по всей Германии – Нюрнберг, Гамбург, Лейпциг, Веймар – языковых научных обществ («*Fruchtbringende Gesellschaft*», «*die Deutschgesinnte Genossenschaft*»),

видных литераторов и языковедов (Гвейнц, Грифиус, Гарсдерфер, Логау, Олеариус, Опиц, Шоттель, фон Цезен) и представителей немецкой интеллигенции, занимающихся выработкой норм немецкого литературного языка. Их сознательная и целенаправленная деятельность была направлена на то, чтобы по возможности сохранить высокий немецкий язык в его настоящей сущности и состоянии, без вмешательства иностранных слов и стремиться к самому лучшему произношению в устной речи и к «чистоте» в письменной речи и в поэзии [12]. Кроме того, широко известными в Германии (XVII-XIX вв.) были талантливые грамматисты Г.В. Лейбниц, Й. Кр. Готтшед и лексикограф И.К. Аделунг, которые интересовались проблемами орфографии, грамматики, риторики, лексики и ориентировались в своих научных исследованиях на письменный вариант верхне-немецкого языка как наиболее подходящего для кодификации, рекомендуя его лингвистам для изучения как самый совершенный среди всех немецких диалектов [9]. Творческая работа языковых обществ и крупнейших ученых-лингвистов Германии способствовала установлению правильной нормы немецкого литературного языка, а кодификация – единству нормы немецкого литературного языка, которая охватывает все его основные стороны: орфографию (Готтшед, Клопшток, Аделунг), произношение и грамматику (Т. Зибс, К. Дуден). Учеными отмечался факт позднего сложения и фиксации произносительной нормы немецкого литературного языка, так как в XX в. для немецкого литературного языка характерен переход от кодификации произносительной нормы на основе *Bühnenaussprache* к «более демократическим принципам, учитывающим реальные произносительные особенности в речи образованных слоев общества». После фиксации произносительной нормы ученые перешли к стандартизации грамматики немецкого литературного языка (Готтшед, Аделунг, Антесперг, Донблют, Фульда, Наст и др.) и к кодификации лексики (Штайнбах, Фриш, Аделунг). И этот процесс продолжается в течение длительного времени (XVIII в.), в конце которого издается обширный словарь Аделунга [4].

Немецкий кодифицированный литературный язык завоевывает ведущее положение в немецком обществе. Он становится обязатель-

ным и признанным литературным языком на территории Германии. Стали существовать эксплицитно сформулированные системы правил, которые определяли правильное употребление литературного языка в соответствии с основными особенностями звукового строя, морфологии и синтаксиса, характерными для его современного состояния. Появилась первая немецкая грамматическая терминология (*Wörterbuch* ‘словарь’, *Zeitwort* ‘глагол’, *Zahlwort* ‘числительное’, *Fragezeichen* ‘вопросительный знак’ и др.). Кодификация лексики не прекращается, продолжаясь вплоть до настоящего времени (См.: Р. Клаппенбах, В. Штейниц, словари серии К. Дудена, Г. Варига, Г. Дроздовского), что объясняется постепенным изменением содержания и задач кодификации лексики. Именно с этого периода, периода завершения национального объединения (2-ая половина XIX в.) и кодификации нормы, немецкий литературный язык считается «современным» (*Gegenwartssprache*), хотя формирование немецкой литературной нормы завершилось намного позднее, чем в других германских государствах.

Языковая норма в Германии в целом сейчас детально разработана и активно внедряется через школьное обучение, средства массовой информации, особенно телевидение. Языковым «идеалом» стал выполняющий самые различные социально-коммуникативные функции кодифицированный литературный язык как письменный, так и устный с кодифицированной нормой на всех уровнях, сложившейся благодаря большой социально-культурной роли великих людей, городов и земель Германии.

Но, несмотря на это, необходимо отметить, что и немецкие, и отечественные лингвисты продолжают уделять большое внимание немецкому кодифицированному литературному языку, и уже это говорит о сложности феномена литературного языка, что находит отражение, в частности, в неустоявшейся терминологии [12,9,5]. Неоднозначное понимание термина «литературный язык» связано с самой сущностью литературного языка, как многоаспектного и сложного явления. Во-первых, традиционный термин *Schriftsprache* ‘письменный литературный язык’ не принимается некоторыми лингвистами в силу того, что они связывают

Schriftsprache в ходе культурно-исторического развития с формой существования немецкого языка в первых рукописных и печатных сочинениях. Еще в XIX столетии немецкий литературный язык оставался письменным языком (*Schriftsprache*) [9].

По утверждению исследователей [2.3, 4] не принимаются и термины *Hochsprache* ‘высокий немецкий’ и *Literatursprache* ‘литературный язык’, под которыми понимался язык высоких элитных слоев общества и язык немецкой художественной литературы. Против употребления термина *Hochsprache* ‘высокий немецкий’ и Б. Генн-Меммесхаймер, которая считает, что употребление данного термина ведет к размыванию границ и более широкому употреблению термина *Standardsprache* ‘стандартный язык’ [13]. Во-вторых, в качестве языка немецкой народности на территории Германии должна была функционировать единая, всем общедоступная и понятная форма – *Einheitssprache* ‘единый язык’, поэтому представления о таком языке воплощались в понятии *Gemeindeutsch* ‘общий, общедоступный немецкий’ [14].

Достаточное распространение в научной литературе о немецком литературном языке получил термин «стандартный язык» (*Standardsprache*), который еще в начале XIX в. служил для идентификации (дифференциации) социальных групп образованных слоев Германии [13,14]. Особенно активно термин «стандартный язык» начинает употребляться в немецкой социолингвистике вместе с разработкой теории стандартного (литературного) языка в Германии. Считается, что в основе этой теории лежит принцип «обработанности» языка, репрезентируемого в различных языковых образцах. Однако в ‘кодифицированности’ скрыты большие трудности для экспликации языковых стандартов [15], и он рассматривает *Standardsprache* ‘стандартный язык’ и *Standardvarietät* ‘стандартная вариативность’ как синонимы, хотя данные термины различаются по своему смысловому содержанию. Б. Генн-Меммесхаймер принимает за *Standard* ‘стандарт’ описанные и обработанные образцы литературной нормы, и придерживается точки зрения, что владение стандартными образцами литературного языка разными носителями неодинаково. Необработанные образцы обозначаются ею как

Nonstandard ‘нестандарт’, который находит широкое распространение среди разных носителей немецкого языка и который, по ее мнению, недостаточно описан в научной литературе [13].

Аналогичное понимание роли стандартного (литературного) языка мы находим у Г. Бусманна [16]. В его работе так освещаются различные аспекты немецкого литературного языка с 70-ых годов XX в.: немецкий литературный язык – легитимная, надрегиональная устная и письменная языковая форма, предназначенная для употребления в среднем и высоком социальных слоях. Поэтому в этом смысле, *Standardsprache* является, по мнению автора, синонимом *Hochsprache* ‘высокий язык’, а *Standardsprache* ‘стандартный язык’, как язык нормативных фонетических, лексико-грамматических средств, которые контролируются учреждениями, средствами массовой информации, образовательной системой. Овладение стандартным языком является целью всех учебно-дидактических усилий [16].

В пользу термина *Standardsprache* ‘стандартный язык’ высказывается и У. Аммон [15], понимая под немецким стандартным языком «множество форм существования», употребляющихся в масштабах всего государства или отдельного региона и рассматривает *Standardsprache* как синоним термина *Standardvarietät* ‘стандартная вариативность’. З. Егер выдвигает свои аргументы в пользу термина «стандартный язык», такие как длительность традиции, полифункциональность, нормированность, известность и выступает против термина *Gemeinsprache* ‘общий язык’, считая, что он семантически неточен [17].

Несколько иной подход к теории стандартных языков отражен в работе Г. Генне, для которого основной формой существования является немецкий стандартный язык – носитель культурной и политической истории немцев, дифференцируемый по стилям (повседневный, профессиональный, научный и художественно-литературный), причем язык средств массовой информации (радио, телевидение, печать) он выделяет отдельной формой существования. Он пишет, что центром языкового общения немецкий стандартный язык становится с XIX в. Вместе с этим, он рассматривает литературный язык как отдельную форму существования немецко-

го языка наряду с другими формами – профессиональными и научными языками, групповыми языками, региональными обиходно-разговорными языками и диалектами. По его мнению, эти формы существуют только потому, что имеется немецкий стандартный язык, так как общение в научных кругах может состояться, например, только при помощи стандартного языка. И взаимосвязь между выделенными формами существования немецкого языка заключается в том, что на все уровни немецкого стандартного языка – лексику, семантику, фразеологию, морфологию оказывают влияние другие формы существования немецкого языка, а немецкий стандартный язык, в свою очередь, влияет на субстандартные формы [18].

Как представляется, недостатком зарубежных социолингвистических исследований кодифицированного литературного языка является то, что кодификационные процессы рассматриваются как бы отдельно от факта существования немецкого литературного языка как языка с определенным набором фиксированных языковых образцов, поэтому в понятии кодифицированности скрыты большие трудности для экспликации признака «стандартно языковой» (*standardsprachlich*). В процессе стандартизации же уместно говорить лишь применительно к языковым кодифицированным стандартам в области фонетики, орфографии, лексики, грамматики, где и может существовать образцовое употребление литературного языка. Термины «стандартный язык» и «литературный язык» можно отчасти лишь признать эквивалентными из-за принципиальных различий в их внутренней форме, которые акцентируют внимание исследователей на разных сторонах описываемого объекта. Одно бесспорно – изучение литературных форм языка, даже стандартизованных его разновидностей, представляет для лингвистов достаточные трудности в выработке общих принципов обработанности литературного языка, его кодифицированности, наддиалектности и языковой образцовости.

Трудности иного плана возникают при определении носителей немецкого литературного языка, которые в научной литературе обозначаются через понятие *Sprecher* ‘говорящие’ [9,13,10]. Этот вопрос в зарубежной германистике, кажется, также не вызывает сомнений, так

как исследование немецкого литературного языка рассматривается в ходе исторического развития языка и становления его нормы. Естественно, первыми носителями немецкого литературного языка были образованные слои немецкого общества. Иначе дело обстоит с выделением носителей литературного языка на современном этапе, что обусловлено расширением его социальной базы. И в этом аспекте, как представляется, следует опереться на то, как это сделано в русистике, а именно, выделив носителей немецкого литературного языка на основе совокупности трех критериев: носителями литературного языка считаются люди, которые родились или выросли в городе, имеют высшее или среднее образование и немецкий язык является для них родным.

Теоретические концепции немецкого литературного языка, в частности, проблемы нормирования немецкого литературного языка и разработка теории различных типов литературных языков находят отражение и в работах отечественных германистов [1,2,3,4,11], где они высказывают свою точку зрения на поливалентный характер немецкого языка и интерпретацию термина «литературный язык». В отечественных исследованиях по германистике повсеместное распространение получил термин «литературный язык», правильное понимание которого, как подчеркивал В.В. Виноградов, имеет для науки важное методологическое значение, так как «общенациональный язык не непременно художественный язык» [19]. То, что понятие «литературный язык» не тождественно понятию «язык художественной литературы» (сюда относятся совокупность текстов, относящихся к культурному континууму определенной эпохи – произведения художественной литературы, научные сочинения, деловая проза, периодика) разделяется в работе [2], где для определения феномена немецкого кодифицированного литературного языка предлагается использовать термин «литературный язык». Мы также рассматриваем литературный язык как высшую форму существования немецкого языка, а термин *deutsche kodifizierte Literatursprache* эквивалентным русскому термину «кодифицированный литературный язык». Дальнейшая конкретизация термина «литературный язык» содержится в работе [20], в которой литератур-

ной называется та форма существования языка, которая наиболее пригодна для коммуникации в большинстве сфер – науке, образовании, юриспруденции, дипломатии, а также в деловых отношениях между людьми и учреждениями, в повседневном общении культурных людей. Кроме того, исследователями указывается, что основу художественных произведений составляет, главным образом, кодифицированный язык литературы, но при широком использовании элементов других, некодифицированных, подсистем национального языка. Таким образом, отечественные германисты рассматривают художественную литературу как форму существования кодифицированного литературного языка, в которой хранится и функционирует языковая культура немецкой интеллигентности, который предназначен для использования в средствах массовой коммуникации, в научной литературе, в учебных заведениях, функционирует как самая важная разновидность национального языка и реализуется в языковых текстах, употребляющихся в официальных ситуациях в процессе обмена информацией между институтами, учреждениями, городской администрацией, руководителями верхнего и среднего звена на производстве, в сельском хозяйстве, учебных заведениях. Формы, в которых реализуется немецкий литературный язык, могут быть как письменными, так и устными, предназначенными для восприятия на слух устные доклады, сообщения, лекции, занятия, общественное приветствие и прощание, официальные беседы, конференции, составляющиеся по заранее намеченному плану.

Итак, XIX в. можно считать периодом завершения формирования немецкого литературного языка и формирования немецкой литературной нормы в Германии. Литературный язык был языком элитарным, языком высокоавторитетных слоев общества.

На современном этапе немецкий кодифицированный литературный язык реализуется в письменных текстах – в официальных документах, научных текстах, прессе, в художественных текстах. В Германии литературный язык отличается обработанностью, нормированностью, социальной широтой использования и обязательностью для всего населения и представлен письменной и устной формами.

Итак, мы полагаем, что в современной Германии носитель литературного языка характеризуется тремя признаками: 1) немецкий язык является для него родным; 2) он родился и / или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живет в городе; 3) имеет высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на немецком языке. Носители немецкого литературно-

го языка владеют им в разной степени. Поскольку в Германии не преодолены резкие диалектные различия, в языке носителей литературного языка могут присутствовать не только нормативные грамматические и лексические признаки, но и выходящие за пределы нормы.

Список использованной литературы:

1. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л., 1936.
2. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX – XV вв. Отв. редак. член - кор. АН СССР В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1983. – 199 с.
3. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI – XVIII вв. Отв. редак. член - кор. АН СССР В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
4. Бабенко Н.С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии XVI в. // Устные формы литературного языка / История и современность. Под ред. В.Я. Порхомовского и Н.Н. Семенюк. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 87-105.
5. von Polenz, P. Sprachnorm, Sprachnormung, Sprachnormenkritik // Linguistische Berichte. – München, 1972. – № 17.
6. Gernentz, H.J. Niederdeutsch – gestern und heute. Beiträge zur Sprachsituation in den Nordbezirken der DDR in Geschichte und Gegenwart. (2.vullig neubearbt. und erweit. Auflage). – Rostock, 1980. – 331 S.
7. Ising, E., Kraus, J., Ludwig, K.-D., Schnerrer, R. Die Sprache in unserem Leben. / Erika Ising, Kraus Johannes, Ludvig Klaus – Diter, Schnerrer Rosemarie. – 1. Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1988. – 244 S.
8. GroЯе, R. Dialektologie und Soziolinguistik in der Theorie des Sprachwandels // Sprache in der sozialen und kulturellen Entwicklung. Beiträge eines Kolloquiums zu Ehren von Theodor Frings. – Berlin, 1990. – S. 27-38.
9. Keller, R. E. Die deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung // Bearb. und übertr. aus dem Engl., mit e. Begleitw. sowie e. Glossar vers. von Karl-Heinz Mulagk. – Hamburg: Buske, 1986. – 641 S.
10. Mattheier, K. J. Dialekt und Standardsprache. über das Varietätensystem des Deutschen in der Bundesrepublik. International Journal of the Sociology of Language / Zur Soziolinguistik des Deutschen. – Berlin· New York: de Gruyter, 1990. – №83. – S. 59-81.
11. Семенюк Н.Н. Устная речь и ее отображение в немецком сентиментальном романе XVIII столетия // Устные формы литературного языка / История и современность. Под ред. В.Я. Порхомовского и Н.Н. Семенюк. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 384 с. (С. 47-72).
12. Hartig, M. Deutsch als Standardsprache / Zur Soziolinguistik des Deutschen. International Journal of the Sociology of Language. – Berlin· New York: de Gruyter, 1990. – №83. – S. 104-133.
13. Henn-Memmesheimer, B. über Standard – und Nonstandardmuster generalisierende Syntaxregeln. Das Beispiel der Adverbphrasen mit deiktischen Adverbien // Sprachlicher Substandard II / hrsg. von Gynter Holtus u. Edgar Radtke. – Tübingen: Niemeyer, 1989. – S. 169-228.
14. Hartig, M. Soziolinguistik. Angewandte Linguistik des Deutschen. – Bern· Frankfurt am Main, 1985. – 209 S.
15. Ammon, U. Die Begriffe 'Dialekt' und 'Soziolekt' // Kontroversen, alte und neue. Akten des Internationalen Germanisten-Kongresses Göttingen Besch 1985, Band 4. – Tübingen, 1986.
16. БуЯmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart, 1983.
17. Јдger, S. Standardsprache. – Tübingen, 1973. S. 271-275.
18. Henne, H. Jugend und ihre Sprache. Darstellung, Materialien, Kritik. – Berlin / New York, 1986.
19. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования. – М.: Наука, 1967. – 133с.
20. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – М., 2001.